

Когда Хан Сиэнь неторопливо вошёл в ворота поместья герцога Хань, привратник, чьи ожидания рухнули в одно мгновение, забыл и о потрясении, и о разбитом носе. Кое-как поднявшись с земли, он поспешил следом за наследником, оставив глазающую у ворот толпу недоуменно перешёптываться за спиной.

Увидев, что Хан Сиэнь уверенным шагом направляется к Двору Душистых Орхидей, слуга бросился к кабинету хозяина — к счастью, герцог Хань сейчас как раз находился дома.

Кабинет хозяина считался святой святых поместья, соваться туда посторонним строго воспрещалось. У привратника и подавно не было такого права. У самых дверей его перехватил личный слуга Хань Чжо. Окинув жалкую фигуру запыхавшегося бедолаги брезгливым взглядом, он недовольно нахмурился:

— Господин занят государственными делами. Если кто пришёл, полагается доложить чин по чину через посыльного. Ты с кем это подраться успел? Вытрись сначала, а потом уже лезь к герцогу на глаза. С каких пор у нас слуги так распустились?

Привратник, задыхаясь от быстрого бега и боли в разбитом носе, зажал лицо рукой и испуганно затараторил:

— Да нет же!.. Наследник... Наследник вернулся!

Слуга, разумеется, знал, каким суеверным ужасом Хан Сиэнь давил на челядь. Однако сам он, годами состоя при герцоге, мнил себя птицей иного полёта и смотрел на трусливого привратника свысока:

— О возвращении Наследника хозяину давно известно, — снисходительно хмыкнул он. — Сыновний долг велит ему явиться с поклоном к отцу. К чему этот переполох?

Тот лишь затрясся от досады. О том, что лицо Хан Сиэня исцелилось, пока знали лишь единицы. Надеясь выслужиться перед герцогом, сообщив столь важную весть первым, привратник не выдержал и притопнул ногой:

— Да не просто он вернулся! Пропусти живее, дело не терпит! — С этими словами он попытался бесцеремонно оттолкнуть плечом личного слугу Хань Чжо.

Подобная наглость задела фаворита герцога за живое. В поместье его все обходили вежливым поклоном, даже законные господа роняли в его адрес пару ласковых слов, а тут какой-то цепной пёс у ворот вздумал права качать! Не иначе как белены объелся.

Лицо слуги потемнело, и он снова преградил путь наглецу:

— Какое бы у тебя ни было дело, перед покоями герцога изволь соблюдать приличие. Стой

здесь, я сам доложу...

Договорить он не успел. Из-за дверей кабинета раздался недовольный голос Хань Чжо:

— Что за шум вы там устроили?

Услышав хозяина, привратник тут же рухнул на колени и заголосил:

— Господин! Пощадите, у меня весть чрезвычайной важности! Касается... касается наследника!

За дверью на мгновение воцарилась тишина. Наконец створка отворилась, и на пороге показался Хань Чжо. Холодным, исполненным привычного высокомерия взглядом он окинул стоящего на коленях слугу, с чьего подбородка на подол рубахи капала кровь.

— Ну и что стряслось с наследником? — брезгливо процедил герцог.

Простой мужик не уловил скрытой угрозы в голосе господина.

— Наследник... его лицо... — Привратник отчаянно пытался подобрать достойные слова, но в его скудном словаре не нашлось ничего подходящего, кроме простого: — Он стал писанным красавцем!

Хань Чжо уже готов был прогнать косноязычного дурака, но при слове «красавец» удивлённо вскинул брови:

— Хочешь сказать, он снял маску? Болезнь отступила?

Вспомнив безупречный облик Хан Сизня, привратник закивал как заведённый:

— Да, господин! Лицо... краше не сыскать во всей столице!

В груди Хань Чжо шевельнулось нехорошее предчувствие. Он нахмурился и сухо бросил:

— Свободен.

Слуга поспешно отвесил земной поклон и попятился прочь. Герцог посмотрел на багровые пятна на плитах пола:

— Натоптал тут грязи. Убрать немедленно.

— Слушаюсь, — согнулся в три погибели личный слуга и тут же замахал руками стоящим поодаль служанкам, приказывая немедленно принести вёдра и тряпки.

Хань Чжо немного поколебался, но всё же направился в сторону Дворика Душистых Орхидей. Этот уединённый уголок находился на самой окраине поместья, так что дорога от кабинета вела через анфиладу дворов. На подходе к заброшенному саду его слуха достигло шушуканье служанок. Сгрудившись в тени галереи, они наперебой шептались: «Кто это с ним пришёл?», «Неужто наш Наследник?», «Откуда у него такая неземная красота?».

Герцог сухо кашлянул. Служанки так и обмерли, тут же попадав на колени. Сплетничать о господах за спиной — верная дорога под розги. Хань Чжо окинул их пренебрежительным взглядом и, даже не снизойдя до расспросов о внешности сына, двинулся дальше.

У самых ворот Дворика Душистых Орхидей он застал своего второго законного сына, Хань Юэвэня. Тот в нерешительности замер перед дверью, явно собираясь постучать.

— Что ты здесь забыл? — окликнул его Хань Чжо.

Юноша вздрогнул от неожиданности и, смутившись, залепетал:

— Отец... Мне показалось, что в ворота только что вошли второй молодой господин Бай Шу и какой-то незнакомец. Я подумал, не померещилось ли мне, и решил проверить.

Дело в том, что после отъезда Хан Сиэня из столицы почти вся прислуга из этого двора разбежалась, получив вольные. Хань Юэвэнь постучал, но изнутри никто не отозвался. Юноше стало не по себе. Притихший, заброшенный дворик казался чужеродным телом на фоне шумного и праздного поместья герцога.

Хань Юэвэнь понимал, насколько двусмысленно его собственное положение рядом со старшим братом, и обычно старался не пересекаться с ним один на один. Но теперь, когда Хан Сиэнь вернулся в столицу, а Бай Шу проник в его покинутый дом под покровом тайны, да ещё и с кем-то чужим... Мать, госпожа Лю, не раз говорила ему с глазу на глаз, что падение клана Бай — дело рук их старшего брата. Помня о том, как генерала Бай Вэньхана и его сына изгнали из столицы, Хань Юэвэнь испугался: вдруг лишившийся всего Бай Шу вернулся ради кровной мести, выбрав момент, когда Хан Сиэнь наиболее уязвим после долгой дороги?

Сердце юноши разрывалось от сомнений, но пройти мимо он не мог, вот и решил разведать обстановку лично. К тому же в глубине души он смутно осознавал: если Бай Шу действительно явился за расплатой, никто в этом доме и пальцем не пошевелит ради спасения Хан Сиэня. Но если дело дойдёт до беды, присутствие Хань Юэвэня помешает замять преступление — его мать точно воспользуется этим шансом, чтобы избавиться от соперника чужими руками.

Хань Чжо, выслушав сына, гневно нахмурился:

— Уверен, что видел именно Бай Шу? — резко спросил он.

Хань Юэвэнь лишь молча кивнул, его лицо сделалось ещё более встревоженным.

— Раз почуял неладное, почему сразу не доложил мне? — напустился на него отец. — Бай Шу изгнан из столицы по личному указу Его Величества! Если он тайно вернулся, то пошёл против воли императора. Как ты мог быть столь беспечен?

Хань Юэвэня больно укололи эти слова.

«Неужели отец, услышав об опасности, не должен был в первую очередь спросить, всё ли со мной в порядке? Не грозит ли мне беда здесь, у этих дверей?»

Но глухая обида быстро угасла под ледяным взглядом Хань Чжо. Юноша покорно опустил голову, пряча обиду в тени ресниц.

Герцог раздраженно хмыкнул и кивком приказал слуге выбить дверь. Тот послушно шагнул вперед, но едва занёс кулак для стука, как створка распахнулась сама.

На пороге стоял Бай Шу. Прежде чем Хань Чжо успел осыпать его обвинениями, юноша недовольно сдвинул брови:

— Чего вы тут расшумелись?

За три года на заставе Бай Шу раздался в плечах и возмужал, но Хань Чжо без труда узнал его лицо. Сердце герцога забилося от смеси ярости и паники. Первой его мыслью было, что безрассудный старший сын самовольно притащил ссыльного в столицу.

Будто на месте Хан Сиэня кто-то другой, Хань Чжо рассудил бы здраво: раз опальный юноша открыто заявляется в чужой дом, значит, на то есть высочайшее позволение. Но Хан Сиэнь всегда действовал вопреки здравому смыслу — дерзко, на грани безумия. Герцог был убеждён, что старший сын умышленно притащил изгнанника, дабы подвести всю семью под топор. Когда дело касалось этого нечестивца, Хань Чжо верил в любой исход, даже самый чёрный.

Оскорблённый до глубины души дерзостью вчерашнего мальчишки, герцог побагровел от гнева. Он уже набрал в грудь воздуха, чтобы поставить наглеца на место, как из глубины двора раздался спокойный, чуть хрипловатый голос Хан Сиэня:

— Бай Шу, зачем ты держишь гостей на пороге? Впусти их.

Одарив герцога многозначительным взглядом, Бай Шу нехотя посторонился. Хань Чжо гневно взмахнул широким рукавом и, с трудом сдерживая клокочущую ярость, шагнул во двор. Хань

Юэвэнь, убедившись по голосу брата, что тому ничего не угрожает, помедлил мгновение, но всё же последовал за отцом.

Едва переступив порог, Хань Юэвэнь застыл в оцепенении. Вместо ожидаемой картины погрома или драки он увидел человека, сидевшего в тени крытой галереи. Тонкие, безупречные черты его лица лишили юношу дара речи — никогда в жизни ему не доводилось встречать столь совершенной красоты.

Но когда незнакомец повернул голову и одарил его едва заметной, насмешливой улыбкой, в разуме Хань Юэвэня вспыхнула дикая, немыслимая догадка. Кончики его пальцев мелко задрожали, и он указал на мужчину:

— Ты... неужели ты...

Хан Сиэнь не дал брату договорить. Переведя равнодушный взор на отца, он лениво процедил:

— Бай Шу вернулся в столицу по воле наследного принца. Его пребывание в поместье герцога согласовано с Его Величеством. Так что если многоуважаемый господин надеялся уличить меня в измене, советую не тратить силы понапрасну.

Хань Чжо не слышал ни единого слова. Он остолбенел, не в силах оторвать взгляда от лица сына, а в самой глубине его зрачков медленно разливался липкий, первобытный ужас. Императору черты Хан Сиэня смутно напоминали покойного благородного супруга Ван Ина. Но герцог видел иное. Этот холодный прищур, изгиб губ, высокомерная осанка... Перед ним стоял живой призрак его первой жены, госпожи Ван. Далёкий отпрыск унаследовал её ледяную красоту, и сходство это было куда более пугающим, чем у их дочери Хан Минчжу.

В памяти герцога яркой вспышкой воскрес день её кончины. Прощальный взгляд госпожи Ван — немой, пронзительный, насквозь видящий его предательство — в точности повторял то выражение, с которым сейчас на него взирал собственный сын.

Пальцы Хань Чжо судорожно дрогнули. Сердце зашло в бешеном, паническом ритме. Сделав шаг назад, словно отгораживаясь от призрака, он круто развернулся и спешно покинул Дворик Душистых Орхидей, даже не оглянувшись.

Хань Юэвэнь растерянно посмотрел на безучастного брата, затем — на позорно бежавшего отца. В конце концов, окончательно запутавшись, он понурил голову и беззвучно ушёл следом.

Едва за гостями закрылась калитка, Бай Шу презрительно фыркнул:

— И зачем только приходили? Клоуны.

Хан Сиэнь коротко, бесстрастно усмехнулся:

— Шли за шерстью, а вернулись стрижеными. Хотели разыграть хозяйский гнев, да духу не хватило — грехи прошлого спалили остатки смелости.

Бай Шу подошёл ближе и, опершись ладонями о перила галереи, заглянул другу прямо в глаза:

— И тебе совсем не жаль, что он так быстро сбежал?

Хан Сизнь перевёл взор на увядающие кроны деревьев и равнодушно бросил:

— Впереди целая жизнь. Наш общий спектакль только начинается, так к чему спешить?

<http://bllate.org/book/20088/2002097>